

ФОРМИРОВАНИЕ КРАСНОАРМЕЙСКИХ ВОИНСКИХ ЧАСТЕЙ И ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ НА ОСНОВЕ ВСЕОБЩЕЙ ВОИНСКОЙ ПОВИННОСТИ В 1918 ГОДУ (НА МАТЕРИАЛАХ СИМБИРСКОЙ ГУБЕРНИИ)

© 2008 В.В.Ситников

Ульяновский государственный университет

В данной статье исследуется историческая сущность перехода в комплектовании вооруженных сил молодой Советской России от добровольческого принципа к принципу всеобщей воинской повинности. Раскрыты трудности и сложности данных процессов на примере деятельности органов военного управления Симбирской губернии.

В начале весны 1918 года стало очевидным, что добровольческий принцип комплектования не обеспечивает возможности создания массовой армии. Созданные на основе добровольческого принципа вооруженные силы не могли быстро расти и всегда находились под угрозой убыли ее личного состава. Все говорило о том, чтобы отменить добровольческий принцип. В самом деле, что можно было ждать от добровольческого принципа, если в феврале 1918 г., когда над страной нависла смертельная опасность и враг стремительно наступал, в армию вступило всего лишь 300 тысяч добровольцев. Никто не мог гарантировать, что в условиях мирной передышки добровольческий принцип позволит сформировать вооруженные силы планируемой численности. Учитывая, что в конце весны Германия держала против России армию, насчитывавшую более 1,5 миллиона человек, Высший военный совет предложил сформировать армию общей численностью не менее 1,5 миллиона человек. К 20 мая 1918 г. численность добровольческих отрядов составила всего 263 тысячи человек [1]. Поэтому 29 мая 1918 года ВЦИК принял постановление "О мобилизации трудящихся в Красную Армию". В этом постановлении говорилось о необходимости "безотлагательно перейти к принудительному набору одного или нескольких возрастов" [2].

В соответствии с указанным постановлением, Совнаркомом РСФСР было принято решение первыми призвать рабочих Москвы двух возрастов 1897 – 1896 гг. рождения [2, С. 438 – 440]. Однако в это время положение на Чехословацком фронте усложнилось. Поэтому правительство вынуждено было 12 июня 1918 года, не ожидая результатов московского призыва, объявить первый призыв рабочих и трудящихся крестьян пяти возрастов 1893 – 1897 гг. рождения в 51 уезде При-

волжского, Уральского и Западно-Сибирского военных округов, в том числе в Симбирском, Сенгилеевском и Сызранском уездах Симбирской губернии [3]. Для организации призыва принимается специальное "Наставление о порядке приема на военную службу" [4]. Данный призыв проходил по традиционной для России схеме. Каждая волость должна была сама выделить по 20 человек, в том числе не менее двух унтер-офицеров или офицеров. Община самостоятельно принимала решение о том, кто пойдет на призывной участок [5].

Понимая, что без налаженного учета военнообязанных проведение дальнейших призывов будет затруднено, правительство 29 июля 1918 г. приняло декрет "О принятии на учет годных к военной службе граждан в возрасте от 18 до 40 лет" [2, С. 108, 109], которым также вводилось в действие "Временное руководство для учета военнообязанных" [6]. После проведения в Поволжье учета выяснилось, что в 7 губерниях состояло свыше 450 000 человек призывного возраста [7]. Но не везде учет проходил удовлетворительно. Во многих местах отмечалось сопротивление учету мобилизационных ресурсов [8].

Осложнение ситуации на Востоке страны заставило ускорить мобилизационные процессы. 13 июня для организации отпора белочехам и белогвардейцам был создан Реввоенсовет Восточного фронта [9]. Главкомом фронта назначили левого эсера М.А.Муравьева. 13 июня красноармейские части вместе с симбирскими и самарскими отрядами и дружинами вошли во вновь образованную Симбирскую группу войск. Ее командующий, губвоенком К.Иванов 17 июня 1918 года объявил Симбирск и губернию на осадном положении

[10]. 19 июня приказом Реввоенсовета фронта все части Красной армии, действовавшие в треугольнике Инза — Симбирск — Сызрань, были сведены в 1-ю Революционную армию Восточного фронта под командованием А.И.Харченко.

Обстановка в губернии становилась все более напряженной. В ряде волостей вспыхнули восстания крестьян недовольных политикой, проводимой советской властью на местах. В самом Симбирске раскрыли крупный антисоветский заговор, непосредственно связанный с всероссийской контрреволюцией. Были арестованы все его руководители, найдена масса оружия, списки заговорщиков. Агенты организации проникли в советские учреждения, на почту, в армию и т.д. [11].

Вопрос о положении на симбирском участке фронта обсуждался 21 июня на общегородском партийном собрании. В связи с тем, что в городе сложилось военное многовластие (военно-революционный штаб, командующий Симбирской группой войск, чрезвычайный комендант, губернский военный комиссариат и т.д.), собрание признало правильным решение прибывшего в Симбирск члена Высшей военной инспекции Н.И.Подвойского о роспуске военно-революционного штаба и усилении штаба командующего Симбирской группой войск.

26 июня вместо Харченко командующим армией был назначен М.Н.Тухачевский. 28 июня 1918 года он прибыл в Симбирск, где отдал первый приказ о вступлении в должность.

Перед командованием I-ой армии, чтобы сделать ее боеспособной, встали две неотложные задачи: первая — укомплектовать формируемые соединения офицерским составом; вторая — провести мобилизацию населения для службы в армии.

Еще накануне приезда М.Н.Тухачевского в Симбирск губернский исполнительный комитет объявил мобилизацию пяти призывных возрастов в Красную армию. Первым днем мобилизации назначили 27 июня 1918 года [12].

4 июля 1918 года командующий I армией совместно с Симбирским губисполкомом издал приказ о призыве бывших офицеров для службы в Красной армии.

Через некоторое время в Пензе был издан приказ № 2 по I-ой армии Восточного фронта. В нем говорилось: "Для создания боеспособной Советской армии все бывшие офицеры-специалисты призываются под знамена" [13].

Мобилизацию бывших офицеров в Крас-

ную армию впервые осуществили на территории Приволжского военного округа при формировании I-ой армии. Как показали дальнейшие события, многие из призванных служили из-под палки и при первой возможности перешли на сторону врага.

В рассматриваемый период военно-мобилизационная работа в регионе осуществлялась структурами военкоматов и местных органов, которые использовали все имеющиеся в их распоряжении средства для мобилизации населения в армию.

Особенностью призывной кампании июня 1918 года был её "мирный" характер. Проводилась она путем уговоров и абстрактных угроз, без ощутимого нажима и репрессий. Все же июльские и августовские мобилизации проходили не по традиционной схеме, когда каждая волость сама определяла состав призывников. Вместо этого новое правительство предписывало явиться на военную службу, вне зависимости от мнения общины, самым работоспособным ее членам. Поэтому в некоторых уездах отказались исполнять приказ о мобилизации именно по этой причине. В других местах крестьяне отказывались проводить мобилизацию до тех пор, пока им не будут объяснены цели и задачи формирования Красной армии. Объявленный властями призыв в армию поднял общее неприятие значительной частью населения проводимой режимом военной, продовольственной, земельной и религиозной политики. Сельские жители считали, что мобилизация их сынов и мужей равносильна оставлению их деревень беззащитными перед лицом неизвестного врага, который может появиться со дня на день и лишить их всех завоеваний, в первую очередь земли. Многие деревни и волости заявляли, что не позволят своим мужчинам идти на призывные участки до тех пор, пока власти не дадут оставшимся оружие, с которыми они могли бы защищать себя в отсутствие мобилизованных [14].

В докладе симбирского уездного комиссара по внутренним делам Зубова на заседании уездного исполкома в июле 1918 года была нарисована яркая картина проведения мобилизации: "Беседуя с крестьянами, я узнавал, что они категорически заявляли, что своих сыновей не пошлют в солдаты, ибо не знают, с кем будут воевать, и вообще не желают войны. Ни доводы, ни убеждения не помогают. Мотиви-

ругают свой отказ тем, что им некого защищать. Советы и большевиков они не намерены защищать, так как последние, много обещали, но ничего не дали... С другой стороны, говорят – мы пойдем, но, получив оружие, обрушимся на Советы и камня на камне не оставим в Симбирске. Красноармейцев деревня ненавидит. В них она усматривает "держиморд" и прежних жандармов. Крестьяне все без исключения говорят, что они, кроме грабежа, ничем не занимаются... В Большетархановской волости от мобилизации отказались категорически" [15].

Активный участник событий тех лет А.М.Уральцев вспоминал: "Объявленная Советом мобилизация молодежи в большинстве сел была встречена населением равнодушно, а в некоторых селах даже враждебно. В волостном селе Тереньге, например, приехавшие из Сенгиля красноармейцы были обезоружены и избиты, а мобилизованные разошлись по домам" [16].

На решение того или иного крестьянина оказывал влияние и тот факт, что война, в которой им пришлось бы воевать, была именно гражданской, то есть "несправедливой" по определению. Перспектива потери жизни, несмотря на ежемесячную пенсию в 100 рублей, во имя сомнительных целей и лозунгов усиливали антимобилизационные настроения в крестьянской среде. На местах были отмечены многочисленные случаи отказа от явки по мобилизации. Например, в Мамадыше 24 июля собравшиеся на сборный пункт представители семи волостей категорически отказались принимать участие в мобилизации, две волости в этот же день прислали письменные постановления об отказе от мобилизаций. 25 июля не явились призывники в остальных 12 волостях Мамадышского уезда, а 26 июля никто не явился и на последний из имеющихся в уезде призывных пунктов [17].

По Поволжью прокатилась волна выступлений на почве недовольства принудительной мобилизацией. В июле 1918 года только в Инсарском уезде Пензенской губернии было 30 случаев волнений [18]. 15 августа в Нижнеломовском уезде произошло волнение мобилизованных артиллеристов и кавалеристов, в котором приняло участие около 2000 человек [7, С. 363]. В ноябре 1918 г. произошли волнения среди призывников в Саранске, где 4000 солдат требовали их роспуска и выдачи оружия [19].

Иногда волнения призывников перерастали в настоящие восстания, в ходе которых сверга-

лась советская власть, происходили погромы складов и магазинов. Например, в Курмышском уезде Симбирской губернии, где при подавлении бунта расстреляли 100 человек [20]. В Анненковской волости Карсунского уезда зажиточные крестьяне открыто агитировали своих односельчан вступать в ряды Белой гвардии и возвращали по домам отправляющихся для записи в Красную армию [21].

В политическом донесении по Инзенской дивизии за эти же недели сообщается: "Мобилизация прошла весьма неблагоприятно, люди идти служить Советской власти отказывались, в силу чего пришлось брать силой оружия, причём в двух волостях Базарно-Сызганской и Живайкинской было убито 7 человек и 4 ранено" [22].

Отрицательное отношение крестьянства к мобилизации в Красную армию было характерным для всей Центральной России. Волнения мобилизованных проходили практически во всех губерниях. Например, только с 1 по 25 ноября они произошли в 80 уездах Центральной России, охватив 11 из 12 уездов Рязанской губернии, 9 уездов Смоленской, 7 Тамбовской, по 6 Калужской и Костромской, по 4 во Владимирской, Московской, Тульской, Череповецкой [7, С. 176].

Кроме трудностей борьбы с оппозиционно настроенной частью населения, на ход мобилизации и формирования армии влияла также и общая разруха страны не позволявшая планомерно снабжать армию всем необходимым. Из-за несогласованности между уездными и губернским военкоматами Симбирской губернии пополнения прибывали из уездов, когда помещения для размещения личного состава не были подготовлены, а продовольствие не было завезено на склады. Были случаи когда отсутствовали вагоны для отправки мобилизованных к месту службы, в результате чего приходилось распускать призывников обратно по домам [23]. Это обстоятельство сильно дискредитировало органы местной власти, подрывало к ним доверие со стороны населения.

Запущенность тылового обеспечения отрицательным образом сказывалась на поведении призывников. Беспорядки имели место буквально на каждом призывном участке, главным образом по вине властей, хотя настроение крестьян, которые прибыли в уездные центры, было также далеко не радужным.

Волости отправляли призывников не в полном составе, без списков, без сопровождения. По приходу на сборный пункт мобилизованные не регистрировались, а собирались на митинги. На них поднимались вопросы различного характера, например расспрашивали: для чего нас мобилизовали, почему мобилизуют именно эти года, требовали до мобилизации выдачи оружия, заявляли, что против казаков не пойдут [14, С. 32].

Проанализировав неблагоприятную ситуацию, сложившуюся во время призывов, Окружной комитет по военным делам, в своей телеграмме отправленной в губернии, запретил всякое "митингование" среди призывников и солдат "...ибо, как показали тысячи опытов, устройством митингов пользуются тёмные личности, которые находят в таковых благоприятную почву для сеяния смуты, недоверия к существующей власти, натравливания на неё и т.д. и зачастую достигают желаемых для них результатов, после чего воинские части начинают разваливаться, теряют окончательно всякий образ организованности и нередко становятся угрозой для Советов" [24].

Стремясь обезопасить себя на случай возвращения прежнего режима, большинство призывников старалось запастись в местных органах власти справками, что они не добровольцы, а призваны принудительно [25]. Из-за отказа местными органами выдавать такие справки даже происходили волнения в ряде населенных пунктов [7, С. 362, 363].

Мобилизации, следовавшие одна за другой, нежелание воевать ни за красных, ни за белых, бытовые проблемы и плохое тыловое обеспечение в воинских частях [26], породили такой феномен как дезертирство, ставшее активной частью крестьянского сопротивления государственной политике [27]. К данной категории граждан стали относить не только ушедших из воинских частей, но и не прибывших на призывные пункты или покинувших их. Так, например, на 27 декабря 1918 года при Симбирском сборном пункте числилось всего 1462 красноармейца, а реально находилось 343 человека. Остальные 1119 человек были дезертирами [28]. В этом же месяце из Пензы в Пермь в 3-ю армию отправили 1000 человек без оружия, из которых 450 убежало по дороге [29]. Дезертирство призывников вынудило руководство выделять конвой от караульных рот военкоматов для сопровождения мобилизованных к месту службы [30].

Большое количество дезертиров заставило РВСР 7 октября 1918 г. издать специальный приказ №44 по борьбе с дезертирством [31]. Меры для розыска данной категории военнослужащих предпринимались и на местах. В губернии была создана Комиссия по борьбе с дезертирством, которая разработала специальный "План недели добровольной явки дезертиров", воззвание "В третий и последний раз!", объявление о расстрелянных "Смерть изменникам дезертирам!" и другие документы [32].

В дальнейшем руководство вооруженных сил страны вынуждено было ужесточить ответственность за дезертирство не только к нарушителям, но и к председателям местных Советов, исполкомов и комитетов бедноты, которые в случае присутствия в селе дезертиров, арестовывались [33].

Но эти приказы продолжали нарушаться. Власти знали, что в Симбирской губернии много дезертиров жило дома по несколько месяцев. Тогда руководство Симбирского губвоенкомата приказало придавать суду волостных военкомов и глав семей, где скрываются дезертиры [34].

В документах, предназначенных для широкого пользования, причины крестьянского неприятия идеи вооруженной защиты советской власти усматривались в воздействии на крестьян агентов контрреволюции и слабости агитационно-пропагандистской работы. Подобные объяснения звучали в официальной печати и имели чисто пропагандистское значение: списать все грехи на оппозицию, снять с себя ответственность за просчеты и ошибки в проводимой политике. В документах же для служебного пользования, оперативных и аналитических материалах заинтересованных ведомств содержалась другая информация, дающая представление об истинных причинах крестьянского неприятия принудительной мобилизации. Это, прежде всего: нежелание призывников оставлять свои семьи в разгар полевых работ; страх быть наказанным в случае прихода к власти прежних хозяев; негативное отношение мобилизуемых к власти вследствие грабежей и насилий со стороны регулярных частей Красной армии и различных реквизиционных, карательных отрядов.

К 30 октября 1918 г. в пределах Симбирской губернии было распределено 33 продо-

вольственно-реквизиционных отрядов, общей численностью 4945 человек. Состав отрядов: рабочие Петрограда – 3850 человек (70%), рабочие Владимирской губернии – 600 человек, рабочие Московского района, отряды Вологодского и Костромского губпродкомов – от 200 до 300 человек. Отряды прибывали в Симбирскую губернию почти ежедневно. В среднем прибывало 4 отряда в неделю, причем, главная масса рабочих явилась в Симбирскую губернию в сентябре-октябре 1918 года [35], т. е. в период наиболее активно проводившихся мобилизаций в Красную армию.

Об отрицательном отношении крестьян к мобилизации, как реакции на репрессивную политику государства, говорилось на 1-м съезде губернских военкомов ПриВО 28 декабря 1918 г. В частности, одной из причин массового дезертирства на территории округа называлась такая, как действия отрядов ЧК "которые настраивают против себя население" [36].

В обобщающей характеристике органов ВЧК отмечалось, что "среднестатистический" дезертир по своему социально-экономическому положению являлся середняком и, как правило, единственным трудоспособным мужчиной в хозяйстве. Члены подобных хозяйств особенно испытывали свою брошенность на произвол судьбы перед лицом материальных лишений, имея единственного работника – мужчину который мобилизован в армию [14, С. 121].

В качестве вывода необходимо отметить, что, несмотря на трудности, мобилизации лета-осени 1918 г. дали Красной армии значительное пополнение. Общая численность вооружённых сил составила 550 тысяч человек [37], что позволило решать стоявшие перед ними задачи.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Гражданская война в СССР. Т. 1. – М.: 1980. – С. 170; *Миц И.И.* Год 1918-й. – М.: 1982. – С. 523; *Устинкин С.В.* Власть и общество в условиях гражданской войны // Отечественная история. 1998. №3. – С. 86.
2. Декреты Советской власти. Т. 2. – М.: 1959. – С. 334 – 335.
3. Там же. – С. 428 – 429; *Ненароков А. В.И.* Ленин и создание Восточного фронта // ВИЖ. 1968. №12. – С. 3 – 9; *Портнов В.П.* Правовые основы строительства Красной Армии – С. 110; *Миц И.И.* Год 1918-й. – М.: 1982. – С. 524.
4. РГВА. Ф.25889. Оп.3. Д.1187. Л.65 – 76.
5. Там же. Ф. 10. Оп. 2. Д. 227. Л. 1; *Шадский О.Г.* Советская власть и крестьянство Тамбовской губернии (лето 1918 г. – лето 1920 г.) "Предантоновщина". Дис... канд. ист. наук. – Тамбов: 2000. – С.30.
6. РГВА. Ф.25889. Оп. 3. Д. 1180. Л. 1 – 19.
7. *Кондрашин В.В.* Крестьянское движение в Поволжье. – М.: 2001. – С. 175.
8. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. Т. 1. – М.: 1998. – С.78.
9. Директивы Главного командования Красной Армии (1917 – 1920). – М.: Воениздат, 1969. – С. 97 – 98.
10. ГАНИУО. Ф. 57. Оп. 1. Д. 200. Л. 61.
11. Симбирская губерния в годы Гражданской войны (май 1918 г. – март 1919 г.) Сб. документов. Т. 1. – Ульяновск: 1958. – С. 55.
12. Правда. 1918. 26 июня.
13. Пензенская организация КПСС в годы гражданской войны (1918-1920). – Пенза: 1960. – С. 30.
14. *Шадский О.Г.* Советская власть и крестьянство Тамбовской губернии (лето 1918 г. – лето 1920 г.) "Предантоновщина". Дис... канд. ист. наук. – Тамбов: 2000. – С.38.
15. Возрождение. Симбирск. 1918. 8 августа.
16. Симбирская губерния в 1918 – 1920 гг. – С. 249.
17. Гражданская война в Поволжье 1918 – 1920 гг. – Казань: 1974. – С. 68.
18. ГАПО. Ф. 1426. Оп. 1. Д. 2. Л. 118.
19. ГАПО. Ф. 1159. Оп. 4. Д. 52. Л. 56.
20. РГВА. Ф. 10. Оп. 2. Д. 171. Л. 1.
21. Там же. Ф. 157. Оп. 2. Д. 569. Л. 97.
22. Там же. Оп. 1. Д. 5. Л. 4.
23. РГВА. Ф. 10. Оп. 2. Д. 171. Л. 1.
24. ГАНИ УО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Л. 24.
25. РГВА. Ф. 25889. Оп. 3. Д. 1180. Л. 54.
26. *Щеголихина С.Н.* О воинской дисциплине в Белой и Красной армиях // Вопросы истории. 1996 №2. – С. 173.
27. *Устинкин С.В.* Власть и общество в условиях гражданской войны // Отечественная история. 1998. №3. – С. 89; *Куреньшев А.А.* "Революционная война" и крестьянство // Отечественная история. 2001. №6. – С. 38; *Рейли Д.Дж.* "Изыясняться по-большевистски", или как саратовские большевики изображали своих врагов // Отечественная история. 2001 №4. – С. 80.
28. ГАУО. Ф. Р-212. Оп. 1. Д. 5. Л. 72, 74, 75.
29. РГВА. Ф. 25889. Оп. 3. Д. 1182. Л. 376.
30. Там же. Д. 1180. Л. 55.
31. ГАУО. Ф. Р-212. Оп. 1. Д. 1. Л. 14.
32. ГАНИ УО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 44. Л. 124 – 126.
33. ГАУО. Ф. Р-212. Оп.1. Д. 7. Л. 43 об.
34. ГАНИ УО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 44. Л. 124.
35. ГАРФ. Ф. 393. Оп. 3. Д. 357. Л. 179 – 182.
36. ГАНИ УО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 44. Л. 28; Д. 132. Л. 1 – 22; *Кондрашин В.В.* Информационные материалы Пензенской губЧК о своей деятельности и положении в Пензенской губернии в годы гражданской войны // 80 лет от ВЧК до ФСБ. – Пенза: 1998. – С. 114; Он же. Крестьянское движение в Поволжье в 1918 – 1922 гг. – С. 177; *Кораблёв Ю.И.* Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919 – 1921 гг. "Антоновщина": Документы // Отечественная история. 1996. №1. – С. 176.
37. *Кляцкий С.М.* Указ.соч. – С.201; *Казаков М. О.* людских резервах Красной Армии в годы граж-

данской войны // ВИЖ. 1973. №9. – С. 54 – 59; Гражданская война в СССР. Т.1. – С. 173; Директивы командования фронтов Красной Армии (1917 – 1922). Т.4. – С.33 – 42; *Голубев А.* О военно-стратегическом

руководстве В.И.Ленина в осенне-зимней кампании 1918 – 1919гг. // ВИЖ. 1966. №4. – С.45 – 50.

FORMATION OF THE RED ARMY MILITARY UNITS AND DIVISIONS ON THE BASIS OF THE UNIVERSAL COMPULSORY MILITARY SERVICE IN 1918 (ON MATERIALS OF SIMBIRSK PROVINCE)

© 2008 V.V.Sitnikov

Ulyanovsk State University

In the paper the historical essence of transition in recruiting of young Soviet Russia Armed forces from the voluntary principle to the principle of the universal compulsory military service is researched. Difficulties and complexities of the given processes are revealed on the example of activities of military management bodies of Simbirsk province.